

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

НЕСМОТРЯ
НА ГРОМ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Доктор Гидеон Фелл

Джон Карр

Несмотря на гром

«Азбука»

1960

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Несмотря на гром / Д. Д. Карр — «Азбука», 1960 — (Доктор Гидеон Фелл)

ISBN 978-5-389-25760-3

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса». Некогда жених кинозвезды Евы Эдем, героини романа «Несмотря на гром» (1960), погиб при загадочных обстоятельствах. Его смерть сочли самоубийством, но спустя много лет Ева разделила его участь...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-25760-3

© Карр Д. Д., 1960
© Азбука, 1960

Содержание

Акт первый	6
I	6
II	13
III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Диксон Карр Несмотря на гром

John Dickson Carr

IN SPITE OF THUNDER

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1960

Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Акт первый

Этому человеку нельзя доверять. Поверьте, я много раз играл преступников. Я знаю, что ему доверять нельзя!
Сэр Генри Ирвинг

I

Брайан, пойми, у меня нет никаких доказательств против этой женщины. Доказательств нет даже у Министерства иностранных дел. Но я не хочу, чтобы моя дочь с ней общалась.

«Да уж, – подумал с усмешкой Брайан Иннес, – это можно понять».

Брайану Иннесу не нужно было перечитывать письмо, лежавшее у него в кармане. Он знал его наизусть.

Одри вылетает из Лондона рейсом Британских европейских авиалиний в тот же день, когда ты вернешься в Женеву из Парижа. Она переночует в отеле «Метрополь» в Женеве, после чего отправится на виллу к той женщине. Я прошу тебя, ради нашей давней дружбы, встретиться с Одри и постараться удержать ее от этой поездки.

«Ради нашей давней дружбы? Взвалить на меня эту грязную работу?»

Тоже вполне в его духе.

В начале восьмого вечера Брайан Иннес покинул аэропорт Женевы. Таможенники его хорошо знали и не стали задерживать для досмотра, а только махнули рукой, разрешая пройти. Затем, подзвав такси, Брайан в нерешительности остановился. Спешить он смысла не видел. Можно завезти чемодан в свою квартиру, а уж потом ехать к Одри.

– Месье? – напомнил о себе таксист.

– Набережная Туреттини, дом три, – сказал Брайан, укладывая чемодан в машину. – Нет, стойте! – добавил он на прекрасном французском.

– Месье?

– Я передумал. Езжайте к отелю «Метрополь» на Большой набережной.

Таксист глубокомысленно пожал плечами, словно дипломат из ООН. Дверь хлопнула, металлический флажок со шелчком опустился.

В ясный день, отъезжая от аэропорта, можно увидеть вершины Альп, чьи призрачные бледные силуэты вырисовываются на фоне светлого неба. Но тем вечером их видно не было. В начале августа душный воздух, тяжелые тучи и глухие раскаты грома угнетающе действовали на разум и настроение. Через двадцать минут, когда уже начало темнеть, перед Брайаном появился пригород Женевы, постепенно переходящий в застроенный серовато-белыми домами город, который раскинулся вокруг озера.

В современных районах Женевы звенели трамваи и всегда толпился народ. Но воздух над озером был неподвижен, а струи фонтана Же-До, одиноко взметнувшиеся над широкой водной гладью, казалось, застыли в воздухе. За мостами, на южном берегу, набережные Старого города выглядели полупустыми и даже несколько зловещими.

Брайан Иннес устроился на заднем сиденье такси, положив на колени свою черную фетровую шляпу.

Это все его добросовестность, будь она неладна! Но избавиться от нее он не мог. К тому же Одри Пейдж интересовала его гораздо сильнее, чем он готов был себе признаться.

К сорока шести годам в его жестких рыжих волосах только начинала пробиваться седина. Высокий, подтянутый, Брайан отличался добродушием, богатым воображением и саркастич-

ным чувством юмора. Можно сказать, что он обладал всеми теми чертами, которыми общественное мнение наделяет истинных дипломатов.

Правда, чувство юмора помогало ему далеко не всегда. Брайан считался успешным художником, как принято говорить, классической школы, хотя сам подобные определения не любил. Он родился в Северной Ирландии и принадлежал к той многонациональной группе людей, которые жили за границей, сохраняя при этом британское подданство.

Они по большей части отличались непоседливым и беспокойным нравом, а Женева стала основным местом их сосредоточения. Возможно, именно из-за этой особенности Женевы Брайан оказался в такой ситуации.

Де Форрест Пейдж с помощью различных ухищрений пытался сохранить то, что осталось от его некогда огромного состояния, и по этой причине не мог покинуть Лондон. Обычно ему удавалось удержать в Лондоне и свою дочь. Де Форрест редко выходил из себя и никогда не терял самообладания. Но в каждой строчке его последнего письма сквозила тревога.

Брайан, дело в том, что тебе известна подлинная история, произошедшая с Евой Эдем и ее покойным поклонником в Германии накануне войны. Я ее не знаю. Но какой бы неприятной эта история ни была...

Неприятной? О да.

...я надеюсь, что ты расскажешь ее Одри. Она уже не ребенок, ей почти тридцать, и пора подумать об ответственности. Похоже, ты единственный, кто имеет хоть какое-то влияние на нее.

«Прошу великодушно меня простить, – подумал получатель этого письма, – но я сейчас не сдержусь и громко рассмеюсь».

Затем Брайан отвлекся от своих рассуждений.

Фонари еще не зажглись, и такси несло по тихой и сумрачной набережной. Слева раскинулся строгий английский сад. Справа – такие же строгие дома во французском стиле, распостраненном в этой французской части Швейцарии. На пересечении с Итальянской улицей возвышалось еще более величественное здание с массивным каменным фасадом, внутри отделанное красным бархатом.

– Отель «Метрополь», – важно объявил таксист. – Вас подождать?

– Нет, не стоит, – ответил Брайан, выходя из машины, и едва слышно произнес: – Боже мой!

Не успел он надеть шляпу и расплатиться с таксистом, как произошло событие, заставшее его врасплох. Маленький вихрь, стуча высокими каблуками, вырвался из отеля и устремился к нему.

– Да что ж это такое? – воскликнул тихий и немного запыхавшийся знакомый голос. – Слишком рано! Так можно все испортить! И хуже того...

– Добрый вечер, Одри, – с нарочитой учтивостью поприветствовал ее Брайан. – Ты ждешь кого-то еще?

– Ну конечно! – ответила Одри Пейдж и вдруг осеклась.

К ужину она оделась весьма изысканно – в белое платье с глубоким вырезом, оставлявшим открытыми точеные изящные плечи. Ее лицо находилось в тени, но тусклый свет из фойе отеля падал на густые, блестящие темно-каштановые волосы. Как обычно, в порыве эмоций она, казалось, состояла из сплошных противоречий: невозмутимости и в то же время уязвимости, хладнокровия и нерешительности.

Одри отступила чуть в сторону. Миндалевидные, немного раскосые голубые глаза в обрамлении черных ресниц смотрели на него с той простодушной невинностью, за которой невозможно спрятать ни гнев, ни тревогу. В руках она держала дамскую сумочку и короткий палантин, которые уже начала взволнованно теребить.

– Ну в самом деле! – вздохнула она. – Такая неожиданная честь для меня! Брайан Иннес собственной персоной. Могу поинтересоваться, что ты здесь делаешь?

– Можешь. Я здесь живу.

– Здесь? – Она бросила взгляд на чемодан. – В этом отеле?

– Нет, не в отеле. В Женеве. Надеюсь, ты об этом не забыла?

– Не важно, забыла я или нет, – дрожащим голосом ответила Одри, – по-моему, это уже слишком. Мне надоело такое отношение! Я приехала сюда на несколько дней. Всего на несколько дней! Чтобы навестить подругу, у которой здесь вилла рядом с французской границей, если ехать в сторону Шамбери.

– Да, я слышал об этом.

– Ах вот как? Ясно. Так это он прислал тебя.

– Кто?

– Де Форрест. Мой отец. Он прислал тебя шпионить за мной.

Брайан рассмеялся:

– Едва ли, юная леди. Я редко беру с собой чемодан, когда иду шпионить. И не нужно таких трагических жестов. – Тон его голоса изменился. – Но я и правда хочу поговорить о твоей подруге Еве Эдем – бывшей кинозвезде с анекдотическим псевдонимом.

– Ее настоящее имя, – воскликнула Одри, – Ева Ферье! Миссис Ева Ферье. Но, как бы там ни было, она имеет полное право на свой псевдоним. Она снималась под этим именем в кино. Многие до сих пор ее так называют. – Одри затопала ногами. – Ах ты рыжий гоблин! Как мне хочется вырвать твое скверное сердце!

– Это будет весьма прискорбно.

– Вот уж не думаю. Если бы ты хотя бы раз воспринял меня всерьез, всего один раз, многое между нами могло сложиться иначе. Но нет! Ты считаешь меня дурочкой и пытаешься обращаться со мной как с ребенком, что бы я ни говорила и ни делала. И ты меня так разозлил, что я хочу тебя убить!

– Одри, послушай.

Их голоса зазвучали громче на темной улице. Стояла душная, гнетущая жара. Вдали в вечерней тишине разносились гудки автомобилей и звонки трамваев.

– Для начала, Одри, я не считаю тебя глупой.

– Неужели?

– Определенно не считаю. Во-вторых, раз уж твой отец хочет, чтобы я помешал тебе поехать в дом той женщины...

– И это просто наглость, тебе не кажется?

– Возможно, я с тобой соглашусь. Не думай, что мне приятно здесь находиться, меня это вообще не касается. Но раз на меня взвалили эту обязанность, то я скажу, что он просил тебе передать, а потом можешь поступать, как тебе угодно. Давай присядем минут на пять и выпьем чего-нибудь?

– Даже если бы мне захотелось сесть и чего-нибудь выпить, мистер Брайан Иннес, уже слишком поздно. Сейчас кое-кто придет и отвезет меня ужинать, и он будет здесь с минуты на минуту.

– Мы не пропустим его. Можно подождать в баре.

– Нет, нельзя! В отеле нет бара.

– Но здесь же есть, в конце-то концов, какое-нибудь фойе?

– Даже если оно и есть, что мы будем обсуждать? Ну конечно же, Еву! Спасибо большое, но я уже слышала эти старые сплетни.

– Какие именно?

Одри взмахнула сумочкой:

– Перед началом войны, когда Ева была знаменитой кинозвездой, она благосклонно отзывалась о Гитлере и нацистах. Пускай, тогда многие так поступали. Только прошло семнадцать лет, они ошибались и признали свои заблуждения, в том числе и Ева. Ты об этом хотел рассказать?

– Нет. Не только.

– Значит, это касается ее романов?

– Нет. Разве что косвенно.

– Тогда в чем же, скажи на милость, ты ее обвиняешь?

– Я ее не обвиняю. Возможно, она ни в чем не виновата. С другой стороны, – Брайана вдруг охватило сомнение, гнетущая нерешительность, к тому же он просто не мог отвести глаз от Одри Пейдж, – с другой стороны, если та история, которая произошла в тридцать девятом, не несчастный случай, тогда она виновата в одном маленьком аккуратном убийстве.

– Убийстве?

– Именно так. Ева убила Гектора Мэтьюза ради денег, она единственная могла это сделать. Заводить роман с этой соблазнительной блондинкой – все равно что спать в одной постели с королевской коброй.

– Я тебе не верю. Ты шутишь!

– Какие тут шутки! Могу тебе все рассказать. Пойдем.

В этот момент зажглись фонари.

Они вспыхнули белыми огнями на фоне деревьев в Английском саду, ожерельем протянулись над Большой набережной на запад к площади Роны, откуда доносился глухой шум машин.

Одри крепко сжала сумочку и откинула назад свои блестящие каштановые волосы, волнами спускавшиеся почти до плеч. Она смотрела на него, слегка приоткрыв рот, и в ее взгляде, помимо недоверия, читалось что-то еще, в чем ему стоило бы разобраться повнимательнее.

– Брайан, не говори глупостей! Я никогда не слышала...

– Ты бы и не услышала. Пойдем.

Отель «Метрополь» был заведением роскошным, но не самым роскошным и далеко не самым современным. Войдя внутрь, Брайан свернул налево и повел свою спутницу через крошечное фойе с лифтом, похожим на гроб из красного дерева, в комнату отдыха с высокими потолками и окнами, выходившими на озеро и набережную.

Их появление не нарушило тяжелой гнетущей атмосферы. Свет тусклых светильников в углах комнаты падал на мебель с ярко-зеленой обивкой, богатую позолоту и обнаженных гипсовых богинь. Одри бросила сумочку и палантин на стол и повернулась к нему, глядя с любопытством и вызовом.

– Одри, где и когда ты познакомилась с этой женщиной?

– Боже мой, это имеет какое-то значение?

– Может, и нет, но будет лучше, если мы во всем разберемся. Так где и когда ты с ней познакомилась?

– В Лондоне прошлой зимой. Она была там со своим мужем, они ходили во все театры. Ее муж – Десмонд Ферье, ты ведь знаешь, кто он?

– Да, знаю. А еще мне известно, что эти двое поженились во время войны.

– А вот я не сразу об этом узнала. Похоже, что когда-то мистер Ферье был большой театральной звездой, так же как Ева – звездой экрана. Но, боюсь, я о нем толком даже не слышала, хотя смутно что-то припоминаю.

– Ничего удивительного. Десмонд Ферье был великим актером, лучшим Отелло и Макбетом. Но ты слишком молода, чтобы помнить его.

– Молода! Молода! Молода!

«И это правда, дорогая, – подумал Брайан. – Тебе двадцать семь, но выглядишь ты намного моложе. Мне сорок шесть, а выгляжу я старше своих лет. И к сожалению, это неоспоримая правда».

Мимо по улице с шумом промчалась машина, и тусклые светильники задрожали. Одри подбежала к окну и посмотрела в него, но автомобиль не остановился, и она вернулась к столу.

– Мне кажется, Ева и мистер Ферье не особенно счастливы вместе. Оба уже не играют и не слишком довольны таким положением дел. Ладно, – Одри дернула плечом, – я ведь рассказывала тебе о том, как мы познакомились. Еве я очень понравилась. Она сказала, что я могу приезжать в гости, когда захочу. Позже она стала мне писать, а три недели назад назначила точную дату. Вот и все.

– Она пригласила тебя на виллу, но ты остановилась здесь, в отеле?

– Конечно! Естественно!

– Не совсем понимаю.

– Она устраивает что-то вроде праздничного вечера, будут и другие гости, и прием назначен на завтра. Так вот! Мой отец постоянно следит за мной, поэтому я решила воспользоваться шансом и провести эти двадцать четыре часа, как мне захочется. Но позвонил Фил и пригласил меня на ужин, и я, конечно, согласилась.

– Фил?

– Филипп Ферье. – Ее нежный голос зазвучал громче. – Сын Десмонда Ферье от предыдущего брака. С ним я тоже познакомилась в Лондоне, если хочешь знать. Он очень серьезный, не смеется надо мной, к тому же милый, интересный собеседник.

– Какой молодец этот Фил.

Еще одна машина проехала мимо, Одри обернулась.

– Как я понимаю, ты с нетерпением ждешь его?

– Ну да! Брайан, зачем ты задаешь такие вопросы?

– Просто так. Я пытаюсь найти связь, которой, скорее всего, просто не существует, между виллой в горах около Шамбери и тем, что случилось в Берхтесгадене в июле тридцать девятого.

– Берхтесгаден? – удивленно воскликнула Одри.

– Да. В знаменитом Кельштайнхаусе – «Орлином гнезде» Гитлера, на юго-восточной оконечности Баварских Альп. Именно там кое у кого закружилась голова. Именно там погиб Гектор Мэтьюз.

Они с Одри так и не сели за столик. Брайан нажал на звонок, чтобы вызвать официанта, но тот не пришел, и только обнаженные богини грустно взирали с потолка, словно сожалея о своем заточении здесь.

Брайан смущенно махнул рукой:

– Я могу вкратце рассказать тебе о том происшествии. Но это мало что значит, если не знать настроений, обстановки, атмосферы того лета: множество микрофонов, флагов и плакатов, толпа, ревушая «Sig heil!», – все это напоминало горячечный бред. Но и это не пролет свет на случившееся, если ты не будешь иметь представления о том, какими мотивами руководствовалась эта женщина. Что заставило ее так поступить? О чем она в тот момент думала? Вот здесь я застопорился. Твоей подруге Еве было тогда примерно столько же лет, сколько тебе сейчас. Она находилась на пике своей весьма успешной карьеры в Голливуде. В начале июня она посетила Германию. И сразу начала направо и налево расхваливать новый порядок. Устроителям нового порядка это понравилось. Для англичанки эта статная блондинка прекрасно говорила по-немецки. Нацисты и мечтать не могли о таком инструменте пропаганды и были готовы для нее практически на все. Ее фотографию напечатали во всех газетах и журналах, она появилась в кинохронике. Ева и шагу не могла ступить, чтобы ее не сфотографировали под руку с очередным нацистским лидером. Самореклама? Возможно. Но некоторые в этом сомневались. Во-первых, это никак не помогало ее карьере за пределами Германии. Во-вторых,

мне кажется, что в личной жизни она старалась вести себя как ее героини, которых изображала на сцене и на экране: соблазнительные, пресыщенные и все в таком же духе. Она ни за что не стала бы утверждать, что место женщины – дома, а вся слава должна доставаться мужчине. Разве что по причине, намного более веской, чем рекламный ход.

Брайан замолчал и отвел взгляд.

– Одри, ты ведь встречалась с ней. Можно ли сказать, что я дал ей справедливую оценку?

– Нет, это несправедливо! Из твоих слов выходит, что она законченная притворщица.

– А разве она не законченная притворщица?

– Ну... возможно. Но почему это так важно?

Теперь уже Одри отвела взгляд.

– Ключом ко всему, если здесь вообще уместно говорить о ключе, является Гектор Мэтьюз. Посреди всей этой шумихи и приветствий Еву в ее турне по Фатерлянду сопровождал Гектор Мэтьюз. Я мало что могу рассказать тебе о нем, за исключением той информации, которую можно найти в открытых источниках. Он был родом из Йоркшира; что называется, сделал себя сам и отличался большой расчетливостью в делах. Этот пятидесятивосьмилетний холостяк увлекался разными диетами, никогда не завтракал и любил всем об этом рассказывать. Немцы посмеивались над ним и похлопывали по спине, но всегда были рады его видеть. Шляпа-котелок Мэтьюза маячила с краю на всех фотографиях. Когда Еве преподносили букеты цветов или церемониальный флаг, он носил их за ней. И если какой-нибудь тип в коричневой или черной рубашке начинал уделять ей слишком много внимания, Мэтьюз также считал своим долгом вмешаться. Он был самым преданным из ее поклонников. И самым богатым. Известно, что в Германию он поехал с ней, поскольку Ева сама его об этом попросила. Но мало кто знает, что перед отъездом из Англии он написал завещание в ее пользу.

Одри отступила от стола на шаг.

– Завещание? Ты намекаешь на то, что...

– Нет. Я просто рассказываю о случившемся. В Мюнхене, где мисс Эдем завершала свое турне, она объявила, что они с мистером Мэтьюзом обручились и собираются пожениться. Хозяевам это не слишком понравилось, но они и ее похлопали по спине, а также бурно поздравили. Затем спросили, собираются ли они сделать публичное заявление? «Пока нет», – ответила она. Предавать это широкой огласке они не планировали. Ну что ж! Мисс Эдем оказала большую услугу новому порядку, могут ли они преподнести ей по случаю помолвки подарок или как-нибудь еще выразить свою признательность? О да, пожалуйста! Она сказала, что самый лучший подарок – это представить ее и мистера Мэтьюза фюреру. Ведь они находились в Мюнхене неподалеку от его резиденции. Смогут ли они посетить Гитлера в его горной крепости в Берхтесгадене? Ее просьбу выполнили. Польщенный фюрер пригласил их на ланч. Всего приехало четырнадцать гостей в сопровождении шарфюрера Ганса Йоста. За исключением жениха с невестой и еще двух гостей (также британцев, отправившихся в эту поездку без особого желания), имена остальных визитеров интереса не представляют. Все они работали в службе безопасности нацистов и позже умерли насильственной смертью. Просто представь себе улыбающихся офицеров в их кричащей форме. Но мы можем воссоздать все дальнейшие события в деталях. Вереница машин привезла всех к отелю «У турка» – гостевому дому Гитлера в горах. Одну ночь они провели там и на следующее утро поехали вверх по горному серпантину. Когда же они прибыли в «Орлиное гнездо», куда поднялись на знаменитом лифте, построенном в скале, то оказалось, что в это время года там совсем не холодно. Ясный солнечный свет, бодрящий воздух, верхушки деревьев на склонах где-то внизу – ты можешь себе все это представить? Все пребывали в прекрасном расположении духа, кроме Гектора Мэтьюза, который, судя по всему, плохо переносил разреженный воздух на большой высоте. На фотоснимках (куда же без вездесущего фотоаппарата!) запечатлен очень высокий мужчина с развевающимися на ветру редкими волосами и несчастным выражением лица. Но, впрочем, не важно! Остальные весели-

лись. И пока гости ждали своего непревзойденного Адольфа в большом зале, из окон которого частично можно было видеть террасу, мисс Эдем схватила жениха за руку и вытащила его на воздух полюбоваться видом. Там они оказались совсем одни у довольно низкого парапета над обрывом. Некоторые утверждали, что не видели их, другие – что они оставались в поле зрения. Затем кто-то закричал, – возможно, кричала женщина или сам Мэтьюз, когда полетел вниз. Как бы там ни было, но он упал с высоты больше сотни футов головой вниз и размозжил череп о сосну. Когда все выбежали на террасу и посмотрели вниз, то увидели его останки. Шарфюрер Ганс Йост подхватил мисс Эдем, которая стояла, прислонившись к парапету в полуобморочном состоянии. Один из свидетелей, не поддерживавший нацистов и не являвшийся поклонником дамы, считает, что ее потрясение и ужас были вполне искренними. В тот момент она не притворялась или, по крайней мере, не производила впечатление притворщицы. «Я не знала, – повторяла она. – Боже правый, я не знала. Это все из-за высоты. Он побледнел, и у него закружилась голова. Я не смогла ему помочь. Боже правый, это все из-за высоты!» Шарфюрер Йост торжественно и деликатно заявил, что несчастье действительно произошло из-за высоты. Йост сказал, что это очень печальный инцидент и он видел, как все случилось. Еще два голоса хором подтвердили его слова. Ева Эдем упала без чувств на руки шарфюрера Йоста. На террасе все замерло, кроме большого флага с черной свастикой на красно-белом фоне, который развевался над ними и накрывал своей тенью. Пожалуй, это все.

II

– Все? – шепотом повторила Одри. – Это все?

– По официальной версии – да.

– Но ведь именно это и произошло? Я хочу сказать, именно это и произошло на самом деле?

– Пожалуйста, объясни, что ты имеешь в виду под «произошло на самом деле»?

– Брайан Иннес, хватит издеваться надо мной, хватит твоих циничных шуточек! Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Те трое из службы безопасности в самом деле видели, как бедняга упал?

– Нет. Они солгали. Никто даже не смотрел в ту сторону.

– Но...

Брайан покачал головой, стараясь собраться с мыслями, и яркая картинка перед его глазами померкла.

Он снова оказался в комнате отдыха отеля с толстым ковром, и вокруг стояла духота, несмотря на открытые высокие окна за занавесками из кружева и запыленного зеленого бархата. Он снова вернулся в 1956 год и почувствовал волнение от присутствия рядом Одри Пейдж, как когда-то Гектор Мэтьюз, трепетавший рядом с молодой Евой.

Одри стояла за столом и трогала пальцами фарфоровую пепельницу. Теперь она казалась такой невинной, что за этой показной невинностью можно было предположить озорство. Она поймала на себе его пристальный взгляд и отвела глаза.

– Послушай! – продолжал стоять на своем Брайан. – Я не утверждаю, что это не было несчастным случаем. Я только хочу сказать, что никто не видел, как все произошло. Никто этого не видел.

– Тогда почему же они сказали?..

– Я тебе объясню. С медицинской точки зрения маловероятно, что человек мог потерять сознание и перелететь через парашют по пояс высотой. Маловероятно, но возможно. С другой стороны, если ему стало дурно, а она просто толкнула его посильнее...

Фарфоровая пепельница загрохотала по столу.

– В любом случае, – продолжил Брайан, – тебе стоит выслушать конец этой истории.

– Ее арестовали или что-то в этом духе?

– Нет, да и как они могли? В прессе опубликовали официальную версию: с английским туристом мистером Гектором Мэтьюзом произошел несчастный случай, пока он занимался альпинизмом в Баварии. Ни о Еве Эдем, ни об «Орлином гнезде», разумеется, не упоминалось. Однако, поскольку все знали о «дружбе» Мэтьюза с ней и у него не осталось других живых родственников, Еве разрешили доставить его тело домой. Это было меньшее, что она могла сделать как его наследница.

Одри открыла рот и тут же закрыла его. Ее собеседник стал расхаживать по комнате.

– Впоследствии, – сказал он, – все внимание переключилось на войну. Интерес к Гектору Мэтьюзу быстро угас, что, возможно, оказалось весьма кстати. Ева не вернулась в Голливуд – ее контракт с «Радиант пикчерз» не был продлен; вероятно, она знала об этом еще перед поездкой в Германию. С финансовой точки зрения это не имело значения. Когда завещание вступило в юридическую силу, она унаследовала все, за исключением некоторой суммы на благотворительность.

– Знаешь, это просто ужасно, – внезапно жалобным голосом заговорила Одри. – Я не сказала этого раньше, но все это ужасно.

– Просто невероятное стечение обстоятельств.

– Разумеется, это ничего не значит!..

– Нет. Тем не менее, юная леди, я понимаю, почему твой отец не хочет, чтобы ты к ней ездила.

– А ты сам не хочешь к ней поехать?

– Хочу. Съездил бы с большим удовольствием. Меня никогда не интересовали добродетельные люди. В отличие от их противоположностей.

Одри повернула голову и внимательно посмотрела на него. В ее удивительных раскосых глазах мелькнуло какое-то странное выражение, но, возможно, просто свет лампы над ее обнаженным плечом сыграл злую шутку.

– Брайан, что из этого знает Де Форрест? И раз на то пошло, как тебе удалось слово в слово повторить все сказанное тогда? Ты был там? Видел, как это случилось?

– Какое там! В тридцать девятом я был бедным молодым художником и в мировых масштабах представлял еще меньший интерес, чем сейчас. В каком-то смысле я предал доверие одного человека, рассказав тебе обо всем. Но я считаю, что должен был так поступить. Нет, свидетелем этих событий стал не я, а один мой хороший друг. Джеральд Хэтауэй.

Одри вдруг вскрикнула.

– В чем дело?

– Сэр Джеральд Хэтауэй? Директор галереи? Не помню ее названия.

– Да, это он. А еще изумительный художник. Я знаю его уже много лет, хотя мы давно не виделись.

– Что ж, ты можешь увидеть его гораздо раньше, чем думаешь. Он здесь.

– Здесь?

– Ой, ну не в отеле и даже не в Женеве! Но он приедет завтра. Ева и его пригласила.

Брайана так потрясла эта новость, что он остановился около длинного окна и развернулся к ней.

– Одри, этого не может быть!.. Нет, подожди, послушай меня! – Он заговорил горячо, но в то же время вполне рассудительно. – Когда Хэтауэя пригласили на ланч с Гитлером в Берхтесгадене, он не смог совладать с любопытством. Он стыдился той поездки и умалчивал о ней. Он рассказал только мне, поскольку мы тогда много говорили с ним о преступлениях и детективных историях. Даже если твоей подруге Еве и хватило смелости пригласить его, он ни за что не согласится приехать. Ты, наверное, ошибаешься.

– Я т-только хочу тебе сказать, – воскликнула Одри, которая в минуты сильного волнения начинала слегка заикаться, – что Ева написала в своем последнем письме. Она сказала, что сэр Джеральд Хэтауэй с радостью принял ее приглашение. Или ты думаешь, она написала его имя, но имела в виду кого-то другого?

– Нет, полагаю, что нет.

– Не думаю, что здесь какая-то большая тайна. Возможно, Ева вызвала у него такое же любопытство, как в свое время Гитлер?

– Ты так спокойно высказываешь такие ужасные намеки?

– Но ведь это возможно?

– Да, возможно. Не исключено, что так и обстоит дело. Но в то же время мне хотелось бы знать, чем руководствуется эта леди. – Брайан глядел в окно, почти не замечая уличных фонарей и тихую набережную. – Одри, подожди! Сколько гостей будет на ее вечеринке?

– Это даже не совсем вечеринка. Приглашен еще один человек.

– Еще один? Кто же?

– Не знаю. Ева не сказала.

– Нет, наверно, это все мои домыслы. То, о чем я сейчас подумал, не может быть правдой. Но мне совсем не нравится эта ситуация. Почему бы тебе не послушаться отца и не вернуться следующим рейсом в Лондон?

– Послушаться! Послушаться! Ты помешаешь мне, если я все-таки поеду к Еве?

– Нет, я не стану этого делать. – Брайан ответил вежливо, несмотря на охвативший его гнев. – Ты совершеннолетняя и можешь поступать, как считаешь нужным.

– Спасибо за пояснение. В таком случае я лучше скажу тебе...

Одри не успела договорить того, что собиралась. Если она вообще собиралась что-то сказать.

Яркий свет передних фар быстро мчащейся машины скользнул по кружевным и бархатным занавескам, затем около отеля остановился двухместный «бентли». Одри глубоко вздохнула и подбежала к окну, около которого стоял Брайан. На своего собеседника она даже не взглянула и, очевидно, забыла о нем думать.

Из машины вышел темноволосый молодой человек без шляпы и в белом смокинге. Одри отдернула кружевную занавеску:

– Фил! Фил, дорогой!

Молодой человек, который был не кем иным, как сыном Десмонда Ферье, замер на месте.

– Я здесь! – сказала Одри, хотя это и было очевидным. – Жду тебя! Я здесь.

– Да, вижу. Кто там с тобой?

В его довольно приятном голосе послышались вдруг враждебность и подозрительность. Одри попыталась рассмеяться. Своего недавнего собеседника она по-прежнему не удостоила даже взглядом, но Брайан буквально почувствовал, как она удивленно приподняла брови.

– Ой, Фил, ну что ты! Никто. Совсем никто.

Брайан ничего не сказал.

– В том смысле, – воскликнула Одри, крутя запястьем, – в том смысле, Фил, что из-за него тебе точно не стоит переживать. Просто старый друг семьи, Брайан Иннес, и я не знаю, почему...

И снова она осеклась. Имя Брайана, произнесенное вслух на тихой улице, привело к неожиданному результату.

Для Филипа Ферье это имя ровным счетом ничего не значило, он только кивнул и вошел в отель. Однако оно определенно многое значило для другого человека. На противоположной стороне улицы в тени английского сада с сосредоточенным видом медленно брел и как будто разговаривал сам с собой невысокий упитанный мужчина. Внезапно он остановился, развернулся, перешел улицу и направился к «Метрополю».

– Ха! – воскликнул толстяк.

Он обладал яркой наружностью: коротко подстриженная борода с проседью и черная шляпа с высокой тульей придавали ему сходство с Гаем Фоксом. Эта несуразная темная шляпа совершенно не сочеталась со строгим вечерним костюмом.

Над озером вспыхнула зарница, тускло осветив небо. Одри, несмотря на свою обеспокоенность, невольно уставилась на незнакомца.

– Брайан, смотри! Тот странный мужчина в шляпе. Кажется, он идет сюда.

– Идет. И он совсем не странный. У всех его поступков есть веские причины. Это Джеральд Хэтауэй.

– Сэр Джеральд Хэтауэй?

– Собственной персоной.

– Но что ему здесь нужно? Почему он так скоро приехал в Женеву?

– Понятия не имею. Но все же... ты помнишь, я говорил, что на том знаменитом приеме в Берхтесгадене было два гостя-англичанина? Еще два гостя, помимо Евы Эдем и Гектора Мэтьюза?

– Ну да?

– Одним из них был Хэтауэй. А другим – женщина-репортер по имени Пола Кэтфорд. И когда ты упомянула про Хэтауэя, я подумал, что история может повториться и Пола Кэтфорд тоже здесь объявится.

За неподвижными деревьями снова вспыхнула зарница. Но они даже не успели обратить на нее внимание, поскольку от двери их окликнули. В комнату с решительным видом вошел Филип Ферье, одетый в белый смокинг.

Брайан заметил, что он совершенно не похож на своего отца. Легендарный Десмонд Ферье был высоким и худощавым, как и Брайан, обладал громовым голосом и чересчур фривольными манерами. Его двадцатичетырехлетний сын держался строго, серьезно и чуть ли не высокомерно. Кроме того, он был немного полноват. Тем не менее Филип отличался на редкость привлекательной внешностью, и во всем его облике, от темных волнистых волос до классического профиля с широкими ноздрями, ощущалась особая жизненная сила.

Одри устремила к нему со всех ног.

– Мистер Ф-Ферье, разрешите представить мистера Иннеса.

Одного придиричивого взгляда Филипу оказалось достаточно, чтобы убедиться – такого конкурента, как Брайан, ему бояться не стоит. Его враждебность тотчас улетучилась.

– Приятно познакомиться, – произнес он. – Э-э... мы с Од собираемся поужинать в «Ричмонде», а потом поедem в ночной клуб. Не возражаете, если мы вас покинем?

– Нет, конечно.

– Мы уже опаздываем. – Он с облегчением выдохнул через свои широкие ноздри. – Од, я задержался, извини. Два наших гения опять не смогли сдержать свой темперамент и закатили скандал.

– Фил, прошу, не говори так! Это несправедливо!

Филип прикусил губу.

– Может быть. Не знаю. Я тоже обожаю старика и Еву. Но тебе не приходится нянчиться с ними.

Внезапно в этом высокомерном господине вдруг появилось что-то очень человеческое и располагающее. Тревога окружила Филипа Ферье словно невидимая аура.

– Проблема в том, – сказал он, – что невозможно понять, что правда, а что – нет. Они и сами этого не знают. Люди сцены! Люди кино! Сэр, вы никак не связаны со сценой или кино?

– никоим образом, – рассмеялся Брайан. – Я произвожу такое впечатление?

– Честно говоря, нет, – серьезно ответил Филип. – Но, даже не знаю, есть в вас нечто эдакое. Ладно, – он махнул рукой и повернулся к Одри, – теперь они оба взялись за мемуары, стараются перешеголять друг друга в глазах издателя, вытаскивают свои альбомы с газетными вырезками, чтобы найти подтверждение каждому слову, и все это так суматошно.

– М-могу себе представить, – поддержала его Одри.

– Да уж. «Знаете, что написал обо мне в тридцать четвертом Джеймс Эгейт?»¹ А этот старик, как там его? Он еще играл лорда Портеса в тридцать шестом в „Круге“², который ставил Бинки Бьюмонт?³ Чудесный, замечательный человек, мы его очень любим, но только между нами – это самый ужасный актер на свете». Люди сцены, что с них взять!

Брайан прислушался к шагам сэра Джеральда Хэтауэя в фойе, а затем снова сосредоточил свое внимание на разговоре. Одри облизнула губы:

– Фил, ты хочешь сказать, что тебе это не нравится?

– Я сам не знаю, нравится мне это или нет. Знаю только, что меня это сильно угнетает.

– Почему ты мне все это рассказываешь? Там ведь не случилось ничего плохого?

– Моя бедная девочка, там никогда не происходит ничего плохого.

– В чем же дело?

¹ Джеймс Эгейт (1877–1947) – влиятельный британский театральный критик и автор книг, посвященных театру.

² Комедия Сомерсета Моэма, впервые поставленная в 1921 году.

³ Бинки Бьюмонт (1908–1973) – успешный театральный менеджер и продюсер.

– Од, ты ведь собираешься нас навестить. Когда старик скажет тебе, что Ева пытается его отравить, пожалуйста, не воспринимай эти слова всерьез. А теперь поедим перекусим.

В мраморном фойе эхом разносился топот, гудел лифт. Но чьи-то шаги внезапно замерли.

– Мистер Ферье, минуточку! – резко произнес Брайан.

– В чем дело?

Филип взял палантин Одри со стола и подал его ей. Одри, выглядевшая особенно привлекательно теперь, когда на ее щеках играл румянец, подняла руку, словно парируя невидимый удар.

– Ваш отец считает, что мисс Эдем пытается отравить его в прямом смысле слова? Мышьяком, стрихнином или другим ядом?

– Нет. Нет. Ничего подобного. Потому-то я и говорю, что мне тяжело находиться с такими буйными людьми. Поэтому я здесь. – Филип старался подобрать правильные слова. – Я хотел предупредить Од...

– О чем?

– Старик так шутит. И Ева в последнее время тоже. Он описывает во всех подробностях, как она собирается его отравить или заколоть, тихонько подбравшись сзади. И рассказывает все это с большой серьезностью. Пару раз Ева отплатила ему той же монетой. Если не знать, что они оба дурачатся, то от ужаса волосы могут встать дыбом. Репортер из «Вуманс лайф» была в таком шоке, что мне пришлось потом целый час успокаивать ее в аэропорту. К тому же это совершенно не смешно. Ну или я не вижу в этом ничего смешного. Вы меня понимаете?

– Я вас понимаю, мистер Ферье. Интересно, понимают ли они.

– Вы о чем?

В голове Брайана мелькнуло сразу несколько догадок...

Краем глаза он видел дверь, открывавшуюся в маленький коридор, который вел в фойе. Свет в коридоре не горел, пол был выложен мрамором, а на стене висели зеркала. Брайан заметил очертания манжеты, плеча и края шляпы. Джеральд Хэтауэй, этот почтенный муж, стоял там и беззастенчиво подслушивал. Выглядел он при этом совершенно гротескно.

На улице просигналила машина.

– Мистер Ферье, ответьте на один вопрос.

– Да, если смогу.

– Помимо Одри, приглашены еще двое гостей. Один из них сэр Джеральд Хэтауэй. Вы знаете, кто второй?

– Да, конечно. Я никогда не встречал ее...

– Ее?

– Да, а что в этом особенного? Она журналистка, очень известная. Пишет книги о знаменитостях, с которыми встречалась, и обещала помочь Еве с мемуарами.

– И зовут ее Пола Кэтфорд?

– Да. Но забудьте про эту Полу Кэтфорд. Мы сейчас говорим про Еву и старика. Они артисты, а я артистов не понимаю. Но ведь они, в конце концов, живые люди. Что бы они ни говорили, что бы там ни изображали, они не станут вести себя как персонажи пьес.

– Вы уверены? Мисс Эдем, к примеру, никогда прежде не имела отношения к смерти другого человека, произошедшей при подозрительных обстоятельствах?

– Нет. Конечно же нет. Никогда.

– А если предположить, что все же была? Допустим, я могу предъявить свидетеля, который прямо сейчас это докажет. Что бы вы на это сказали?

– Я не поверил бы ни слову. – Филип шумно вздохнул. – Вы говорите о моем отце и достойной женщине, на которой он женат уже много лет.

– Никто ничего не говорит против вашего отца. Совсем наоборот. Было бы весьма неприятно, если бы с ним случился похожий «инцидент». И не будем забывать про Одри.

– Одри?

– Вы не думали об этой стороне дела, и она тоже. Прошу вас подумать об этом теперь.

Брайан говорил спокойно, не сводя с молодого человека глаз.

– Бывший жених Евы Эдем погиб, упав с террасы в Альпах, когда они там были одни.

Мисс Кэтфорд и Джеральд Хэтауэй находились в тот момент в соседней комнате. Затем, много лет спустя, она приглашает их на виллу в горах к юго-западу от Женевы. Мы не знаем, почему она позвала тех людей, возможно, даже им самим об этом не известно. Одри была еще ребенком, когда умер Гектор Мэтьюз, но и ее старательно зазывали сюда. Почему? Возможно, это всего лишь подозрительное обстоятельство, как и все остальные факты, но тем не менее они требуют объяснений. Каким образом Одри вписывается во всю эту картину? Вам так хотелось увидеть ее здесь?

– Послушайте... – начал Филип.

– Минуточку!

Стало так тихо, что было слышно, как тикали часы на запястье у Филипа.

– Ева Эдем унаследовала состояние. И если это не был несчастный случай, значит речь шла о спланированном убийстве. Хэтауэй и мисс Кэтфорд не могли оказаться здесь случайно. Как и Одри. Если бы я сумел вас в этом убедить, вы захотели бы, чтобы она осталась и наблюдала за дальнейшим развитием событий? Что бы вы сделали?

– Можно я кое-что скажу? – воскликнула Одри.

– Нет, нельзя. Мистер Ферье, как бы вы поступили?

– Я отправил бы ее домой, – ответил Ферье, – и сделал это, черт возьми, поскорее.

– Тогда вам стоит прямо сейчас начать уговаривать ее. Свидетель, которого я могу представить, находится за этой дверью... Хэтауэй!

Возникла внезапная пауза. Филип бросил палантин Одри на стол. Брайан вдруг почувствовал, что этот серьезный, обладающий большим чувством собственного достоинства человек глубоко и искренне влюблен в Одри Пейдж. А Одри согласится на все, о чем бы ее ни попросил Филип Ферье. По крайней мере, такое у Брайана сложилось в тот момент ощущение.

Но когда он позвал своего свидетеля, размышляя обо всем этом, загадочное выражение голубых глаз Одри снова сбило его с толку и вызвало удивление.

– Хэтауэй!

Ответа не последовало. Брайан подошел к двери, но увидел только свои отражения в зеркалах, висевших на стене. Мраморный коридор тянулся до фойе справа. Его свидетеля там не оказалось.

III

Примерно два часа спустя уже в другом отеле на северном, а не на южном берегу, в баре, оформленном в модернистском стиле, двое мужчин сидели за столом друг против друга около французского окна, из которого открывался вид на террасу.

Они поужинали в отеле «Рона», после чего отправились в бар. Их стаканы с бренди уже наполовину опустели, кофейная гуща застыла на дне маленьких чашек. Но хороший обед не успокоил их и не остановил яростной ссоры.

– Значит, вы прятались в телефонной будке? – спросил Брайан Иннес.

– Можно сказать и так, – признался Джеральд Хэтауэй, вынимая сигару изо рта, – да, можно и так сказать.

– Так-так! И долго вы там сидели?

– Пока те двое молодых людей не отругали вас и не уехали. Ну а потом, вы же помните, как я встал, открыл дверцу и пожелал вам доброго вечера.

– Как ни странно, – ответил Брайан, с трудом сдерживая гнев, – но это я запомнил.

– Да ладно вам! Не стоит...

– Стоит. Любовь к экстравагантности, – сказал Брайан, – это прекрасно. Но мне кажется, вам не удалось проявить ее в достаточной мере. Раз уж вы не захотели стать моим свидетелем, почему вы не прибегли к более изящному методу? Почему вы не ускользнули из «Метрополя», переодевшись в загадочного незнакомца с накладным носом и в бумажном парике?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.